

С. ФЕДОРЧЕНКО

ПРИСКАЗКИ

рис. К. Петров-Водкин

ИЗДА-ВО

» РАДУГА «

1924

Annotation

На этих нескольких страничках произошла встреча двух людей, лучше которых очень мало кто знал российский народ эпохи революций. Софья Захаровна Федорченко (1888 — 1959) — сестра милосердия в Первую мировую войну, известна более всего как автор книги «Народ на войне» (1923 — 1925). Много писала стихов и сказок, в том числе для детей, имитируя разные виды народного стиха. С 1924 года, когда и вышли ее знаменитые "Присказки", работала в области детской литературы, главным образом дошкольной. Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. В иллюстрациях к «Присказкам» С. Федорченко («Радуга». 1924) отражена народная жизнь, которую он наблюдал в родном Хвалынске, многие из них даже носят автобиографический характер: 1 октября 1922 года у Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина родилась долгожданная дочь Елена, которую он рисовал, когда ей было всего несколько дней от роду. И работая над иллюстрациями, он представлял малышку на коленях своей матери в хвалынском доме. Ведь своего угла у художника не было, он снимал квартиры в Петрограде, мечтая о собственном «уютке», который был в Хвалынске у матери.

-
- [С.Федорченко «Присказки», илл. К.С.Петров-Водкин. 1924 г.](#)
 - [Про Васеньку](#)
 - [Про ежа.](#)
 - [Про тулуп.](#)
 - [Про клушку.](#)
 - [Петушок.](#)
 - [Про зайньку.](#)
 - [Про волка.](#)
 - [Про лягушат.](#)
 - [Приложения:](#)
 - [О иллюстрациях К.С.Петрова-Водкина](#)
 - [О авторе текста.](#)
-

**С.Федорченко «Присказки», илл.
К.С.Петров-Водкин. 1924 г.**

СФЕДОРЧЕНКО

ПРИСКАЗКИ

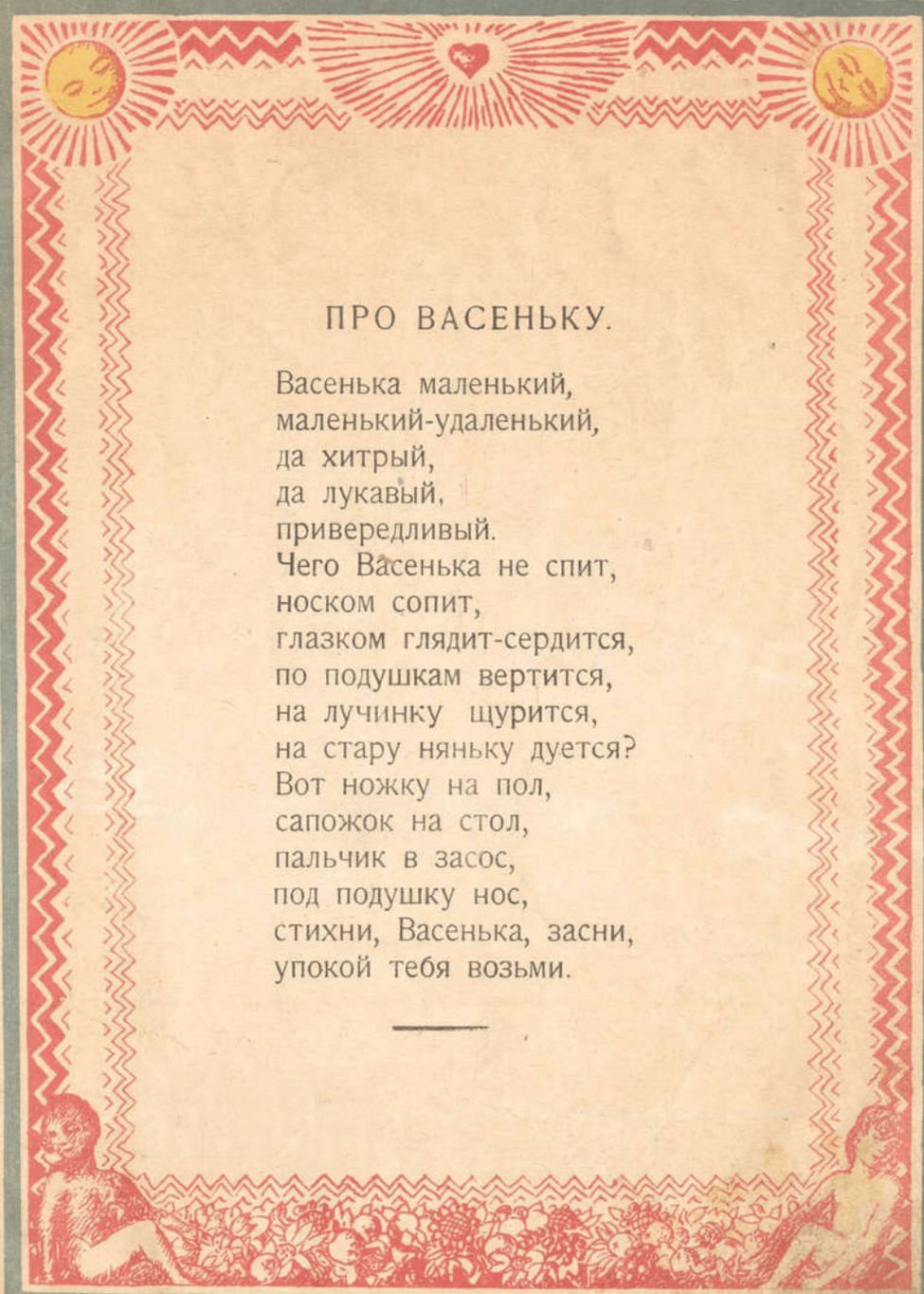
ИЗДВО
»РАДУГА«
1924

Про Васеньку

Васенька маленький,
маленький-удаленький,
да хитрый,

да лукавый.
привередливый.
Чего Васенька не спит,
носиком сопит,
глазком глядит-сердится,
по подушкам вертится.
на лучинку щурится.
на стару няньку дуется?
Вот ножку на пол.
сапожок на стол.
пальчик в засос,
под подушку нос.
стихни, Васенька, засни,
упокой тебя возьми.

ПРО ВАСЕНЬКУ.

Васенька маленький,
маленький-удаленький,
да хитрый,
да лукавый,
привередливый.
Чего Васенька не спит,
носком сопит,
глазком глядит-сердится,
по подушкам вертится,
на лучинку щурится,
на стару няньку дуется?
Вот ножку на пол,
сапжок на стол,
пальчик в засос,
под подушку нос,
стихни, Васенька, засни,
упокой тебя возьми.

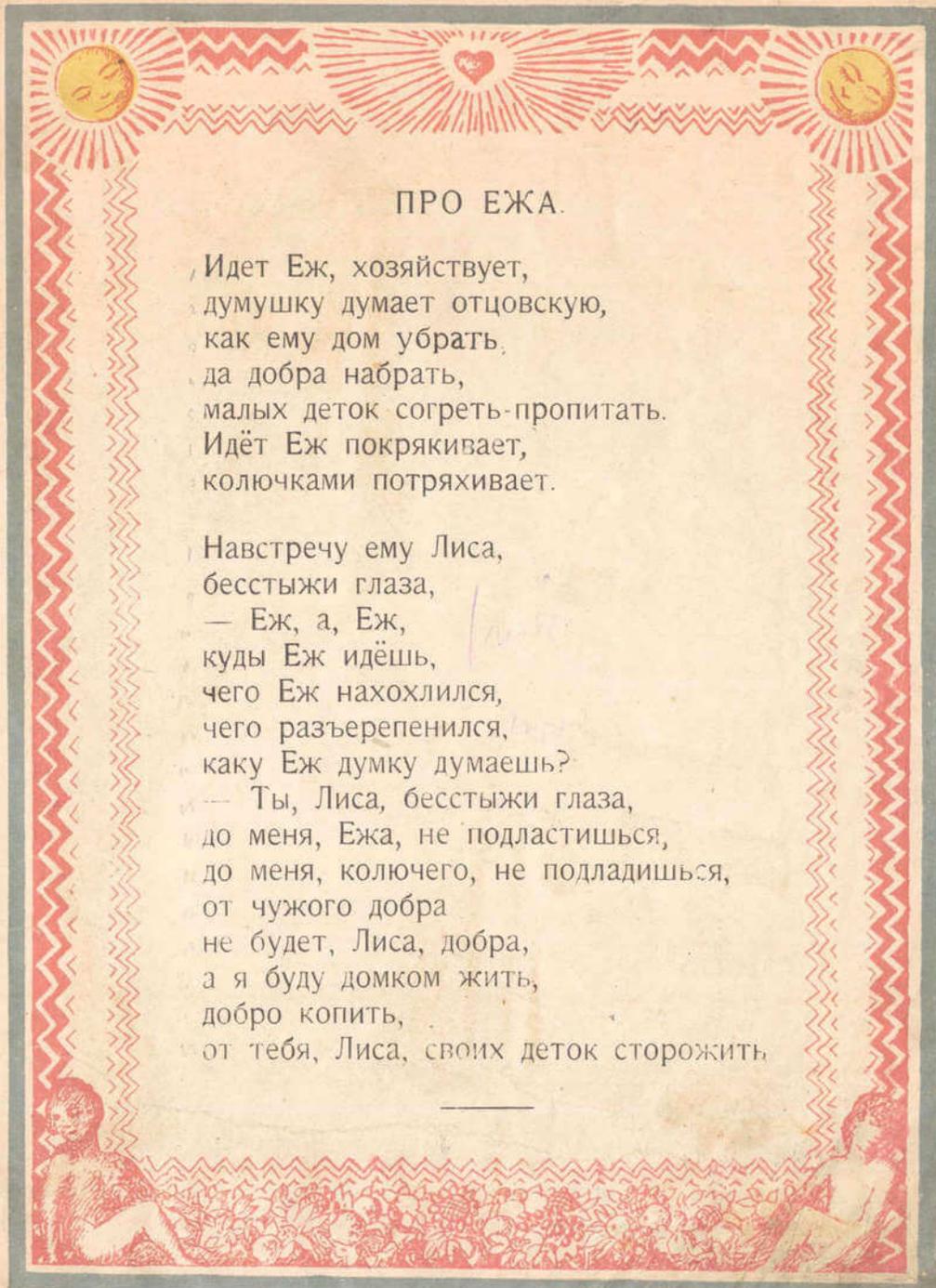
Про ежа.

Идет Еж, хозяйствует,
думушку думает отцовскую,
как ему дом убрать

да добра набрать,
малых деток согреть-пропитать
Идёт Еж пакрякивает,
колючками потряхивает

Навстречу ему Лиса.
бесстыжи глаза,
— Еж. а, Еж
куда Еж идёшь.
чего Еж нахохлился,
чего разъерепенился.
каку Еж думку думаешь?
Ты Лиса, бесстыжи глаза.
до меня, Ежа, не подластишься,
до меня, колючего, не подладишься,
от чужого добра
не будет, Лиса, добра,
а я буду домком жить,
добро копить,
от тебя, Лиса, своих деток сторожить.

ПРО ЕЖА.

Идет Еж, хозяйствует,
думушку думает отцовскую,
как ему дом убрать,
да добра набрать,
малых деток согреть-пропитать.
Идёт Еж покрякивает,
колючками потряхивает.

Навстречу ему Лиса,
бесстыжи глаза,
— Еж, а, Еж,
куда Еж идёшь,
чего Еж нахохлился,
чего разъерепенился,
каку Еж думку думаешь?
— Ты, Лиса, бесстыжи глаза,
до меня, Ежа, не подластишься,
до меня, колючего, не подладишься,
от чужого добра
не будет, Лиса, добра,
а я буду домком жить,
добро копить,
от тебя, Лиса, своих деток сторожить

Про тулуп.

Прокатила студёна зимушка,
повис Тулуп вверх овчинушкой
Скушно тому Тулупу.

ни работы, ни охоты.
От тепла ёжится
от солнца корёжится
Стал Тулуп думку думать.
как ему весну свесновать.
как ему лето-осень скоротать.
Пригнул Тулуп праву полу
до самого полу,
а рукав на полати,
— ребят доставати.
— Скачите, малы чурята,
с под печи да на полати,
почнёте ребяток тормошить
меня, мохнатого, до зимы смешить.

ПРО ТУЛУП.

Прокатила студёна зимушка,
повис Тулуп вверх овчинушкой
Скушно тому Тулупу,
ни работы, ни охоты,
от тепла ёжится,
от солнца корёжится.
Стал Тулуп думку думать,
как ему весну свесновать,
как ему лето-осень скоротать...
Пригнул Тулуп праву полу
до самого полу,
а рукав на полати,
— ребят доставати.
— Скачите, малы чурята,
с под печи да на полати,
почнёте ребяток тормошить,
меня, мохнатого, до зимы смешить...

Про клушку.

— Клох да клох, охо-хо,
до чего, мне моркотно,
сорок яиц выносила,

сорок дён высидела,
сорок деток, выводила.
одного не выходила
—Клох да клох, охо-хо
да уж так-то плохо.
уж такой был птенчик,
ясный голубенчик,
пушок желтый,
глазок вострый,
носок долгий,
на темечке чубчик.
Охо-хо, голубчик,
сынок-соколог,
золотой хохолок.
Клох да клох, охо-хо,
уж так то мне хлопотно,
ходят сорок деток
у меня наседки
завидуют клушки,
куры да индюшки.
утки да гусыни.
а я — клох по сыну ...

Охохо-хохонюшки,
нету мне покоюшки,
охо-хо-хохошоньки.
тошно молодёшеньке.

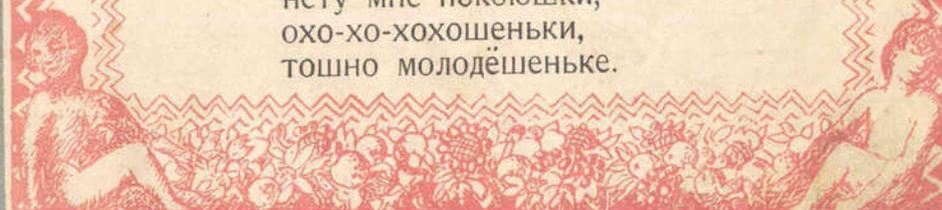
ПРО КЛУШКУ

— Клох да клох, охо-хо,
до чего мне моркотно,
сорок яиц выносила,
сорок дён высидела,
сорок деток выводила,
одного не выходила.

— Клох да клох, охо-хо,
да уж так-то плохо,
уж такой был птенчик,
ясный голубенчик,
пушок желтый,
глазок вострый,
носок долгий,
на темечке чубчик. +

Охо-хо, голубчик,
сынок-соколок,
золотой хохолок. +
Клох да клох, охо-хо,
уж так-то мне хлопотно,
ходят сорок деток
у меня наседки.
Завидуют клушки,
куры да индюшки,
утки да гусыни,
а я—клох по сыну...

Охо-хо-хохонюшки,
нету мне покоюшки,
охо-хо-хохошеньки,
тошно молодёшеньке.

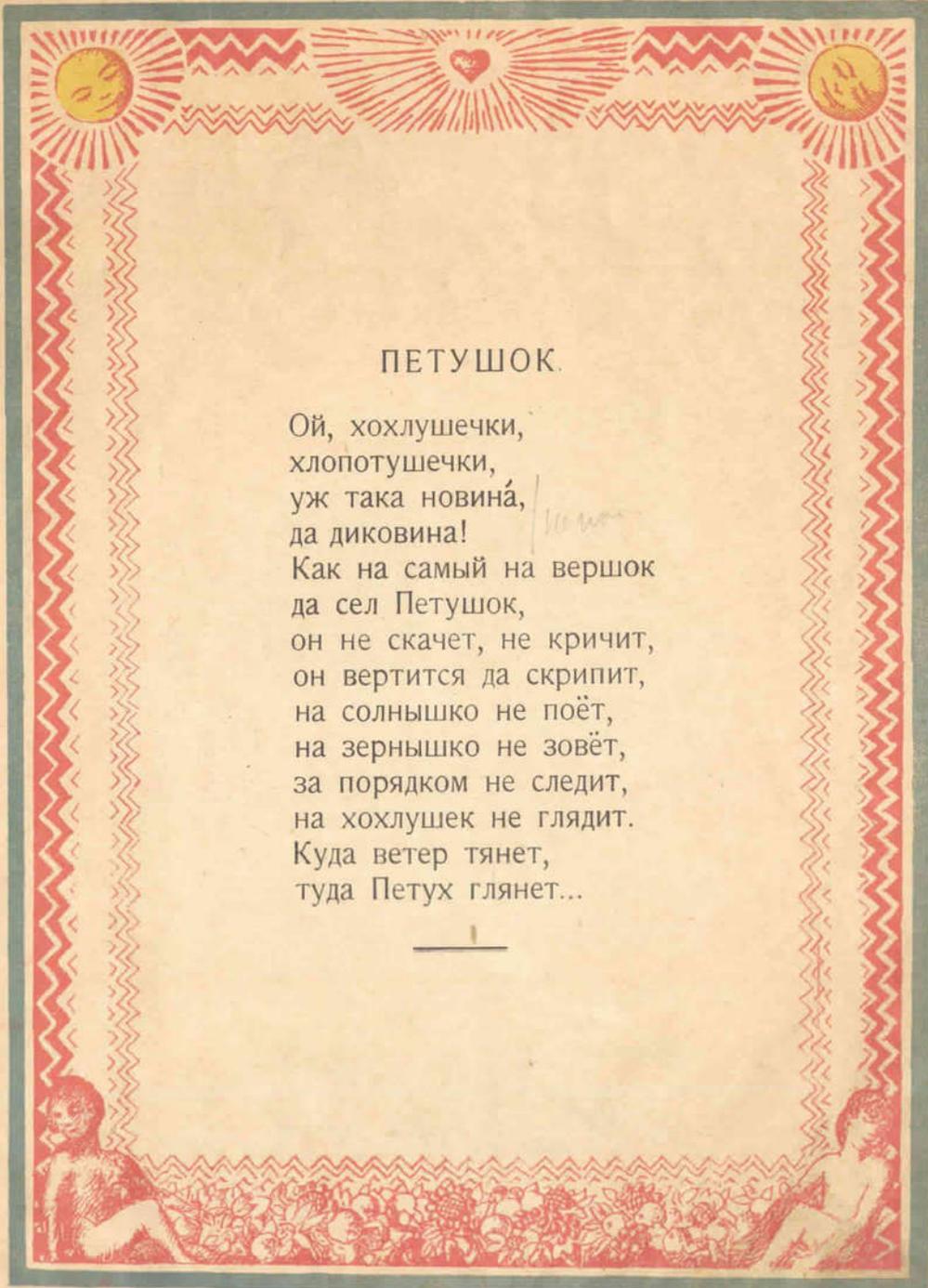

Петушок.

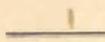
Ой, хохлушечки,
хлопотушечки,
уж така новина.

да диковина!
Как на самый на вершок
да сел Петушок,
он не скачет, не кричит.
он вертится да скрипит,
на солнышко не поёт,
на зернышко не зовёт,
за порядком не следит,
на хохлушек не глядит.
Куда ветер тянет,
туда Петух глянет.

ПЕТУШОК.

Ой, хохлушечки,
хлопотушечки,
уж така новина,
да диковина!
Как на самый на вершок
да сел Петушок,
он не скачет, не кричит,
он вертится да скрипит,
на солнышко не поёт,
на зернышко не зовёт,
за порядком не следит,
на хохлушек не глядит.
Куда ветер тянет,
туда Петух глянет...

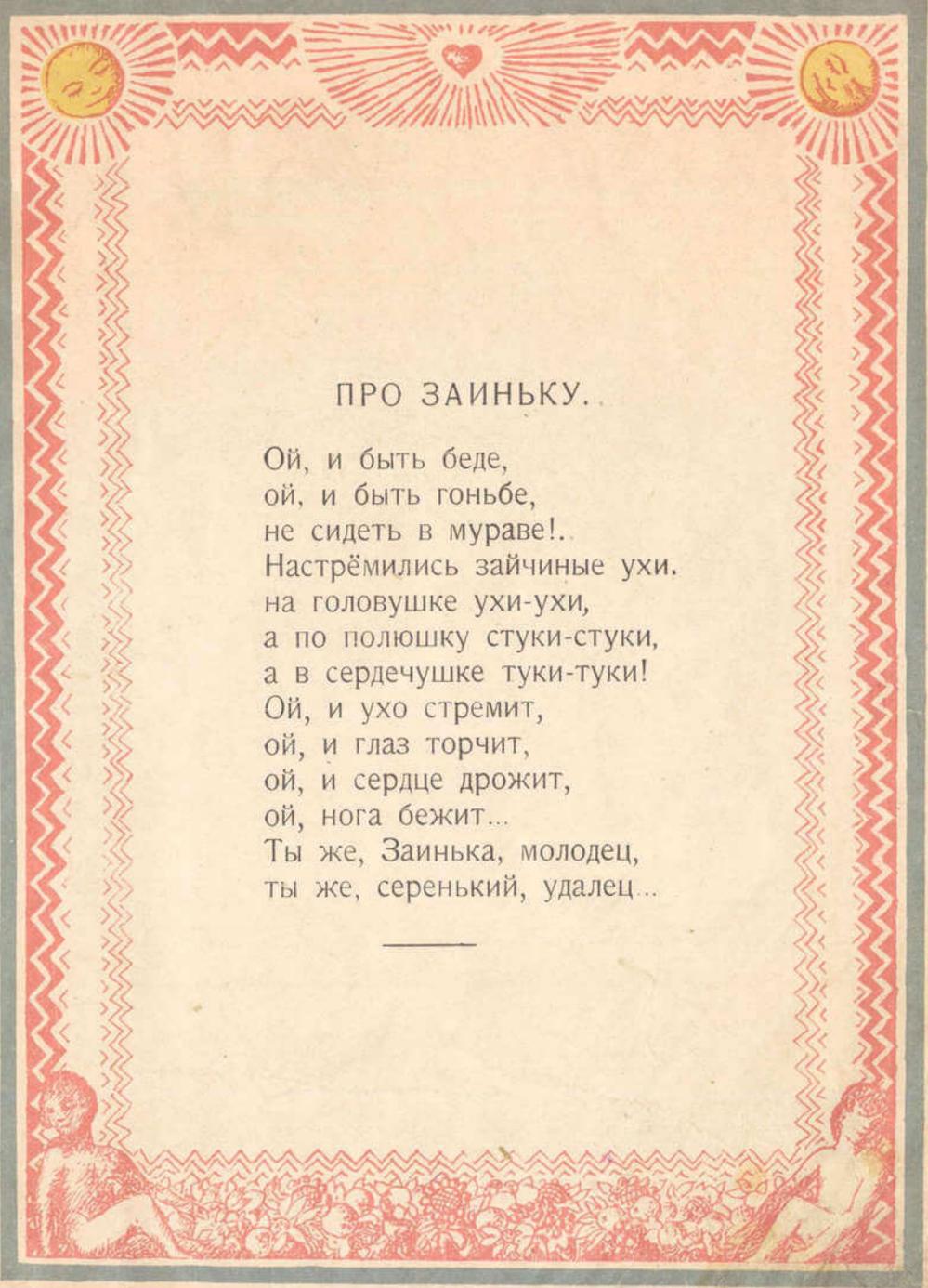

Про заицьку.

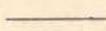
Ой, и быть беде.
ой, и быть гоньбе
не сидеть в мураве.

Настрёмались заичиные уши.
на головушка ухи-ухи,
а по полюшку стуки-стуки.
а а сердечушке туки-туки!
Ой, и ухо стремится,
ой, и глаз торчит.
ой, и сердце дрожит
ой, нога бежит ...
Ты же, зайнька, молодец,
ты же, серенький, удалец.

ПРО ЗАИНЬКУ.

Ой, и быть беде,
 ой, и быть гоньбе,
 не сидеть в мураве!..
 Настрёмилась зайчиные уши,
 на головушке ухи-ухи,
 а по полюшку стуки-стуки,
 а в сердечушке туки-туки!
 Ой, и ухо стремит,
 ой, и глаз торчит,
 ой, и сердце дрожит,
 ой, нога бежит...
 Ты же, Заинька, молодец,
 ты же, серенький, удалец...

Про волка.

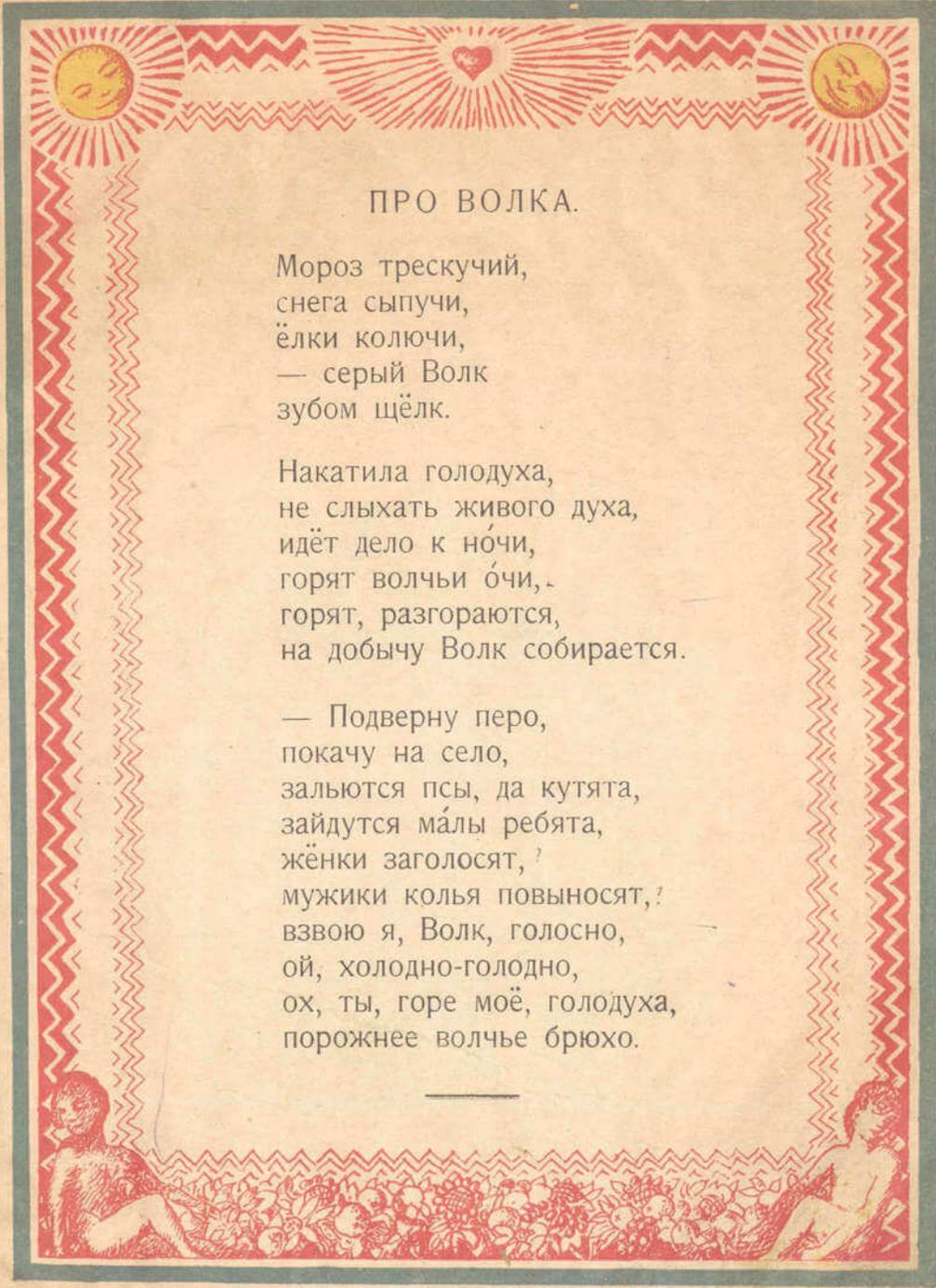

Мороз трескучий.
снега сыпучи,
ёлки колючи.

— серый Волк
зубом щёлк.

Накатила голодуха,
не слышать живого духа,
идёт дело к ночи,
горят волчьи очи.
горят, рзгораются
на добычу Волк собирается

— Подверну перо,
покачу на соло.
зальются псы, да кутята,
зайдутся малы ребята,
жёнки заголосят,
мужики колья поныносят,
взвою я, Волк, голосно.
ой, холодно-голодно,
ох, ты, горе моё, голодуха.
порожнее волчье брюхо.

ПРО ВОЛКА.

Мороз трескучий,
снега сыпучи,
ёлки колючи,
— серый Волк
зубом щёлк.

Накатила голодуха,
не слышать живого духа,
идёт дело к но́чи,
горят волчьи о́чи,
горят, разгораются,
на добычу Волк собирается.

— Подверну перо,
покачу на село,
зальются псы, да кутята,
зайдутся ма́лы ребята,
жёнки заголосят,
мужики колья повеносят,
взвою я, Волк, голосно,
ой, холодно-голодно,
ох, ты, горе моё, голодуха,
порожнее волчье брюхо.

Про лягушат.

ПРО ЛЯГУШАТ.

Зацвела вода по лужице, зацвела, уклеилася,
Лягушатами уселилася,—

что хвостаты,

что брюхаты,

что глазасты,

что головасты,

крячут да квачут, на бережок скачут,

по лужице шлепают, малу муху лопают. *с.л.*

Прыг да скок на лужок-бережок, усядутся в кружок,

почнут толковать: — ква-ква-ква-ква,

Мягка на нашем на лужку трава. — ква-ква-ква-ква —

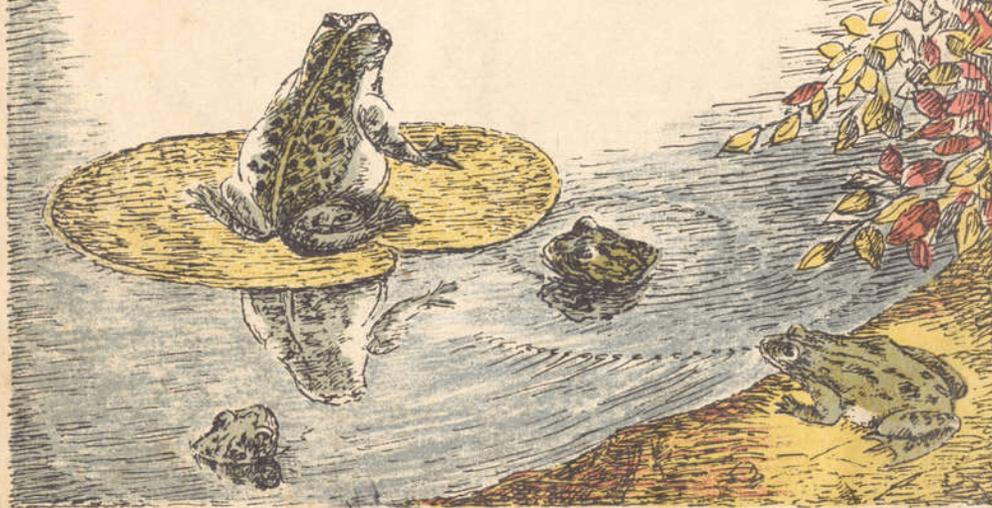
муха-то какова, — ква-ква-ква-ква, лужа-то наша,

что Москва! Сидят Лягушата, квакают,

промеж себя калякают,

сидят Лягушата, пучеглазятся,

своим домком не нахвалятся.

зацвела вода по лужице, зацвела, уклеилася.
Лягушатами уселилася,
что хвостаты.

что брюхаты,
что глазасты,
что головасты,
крячут да квачут, на бережок скачут,
по лужице шлепают, малу муху лопают ...
Прыг да скок на лужок-бережок, усядутся в кружок.
почнут толковать: — ква-ква-ква-ква,
Мягка на нашем на лужку трава ква-ква-ква-ква-
муха-то какова, —ква-ква—ква-ква, лужа-то наша, .
что Москва Сидят Лягушата, квакают,
промеж себя калякают
сидят Лягушата, пучеглазятся,
своим домком не нахвалятся

Приложения:

О иллюстрациях К.С.Петрова-Водкина

Федорченко, Софья Захаровна (1888—1959) — сестра милосердия в Первую мировую войну, известна более всего как автор книги «Народ на войне» (1923—1925). Много писала стихов и сказок, в том числе для детей, имитируя разные виды народного стиха. С 1924 года, когда и вышли ее знаменитые "Присказки", работала в области детской литературы, главным образом дошкольной.

В иллюстрациях к «Присказкам» С. Федорченко («Радуга». 1924) отражена народная жизнь, которую он наблюдал в родном Хвалынске, многие из них даже носят автобиографический характер: 1 октября 1922 года у Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина родилась долгожданная дочь Елена, которую он рисовал, когда ей было всего несколько дней от роду. И работая над иллюстрациями, он представлял малышку на коленях своей матери в хвалынском доме. Ведь своего угла у художника не было, он снимал квартиры в Петрограде, мечтая о собственном «уют», который был в Хвалынске у матери.

В иллюстрациях к «Присказкам» можно узнать и интерьер родительского дома, улочки Хвалынска с деревянными домиками, разбросанными по взгорьям, с «простотой и детскостью провинции», двор с многочисленными курами, цыплятами, непременно котом на скамье, с гусями или лошадами – то запряжёнными в телегу, то с всадником - тоже память о поездках на родительском коне Сером. Надо отметить, что во всех выше названных книгах можно видеть любовь Кузьмы Сергеевича к национальному прошлому, к вековым устоям крестьянского быта, ему хотелось привить детям уважение к исконной бытовой среде – в этом он видел и свою просветительскую цель в отличие от мирискусников, для которых идеалом была дворянская культура.

В иллюстрациях к «Присказкам» перед нами зрелый почерк мастера, уже «выносившего» свою «планетарную» перспективу: она и в наклонных горизонтальных и вертикальных линиях избухлых стен и пола, оконных переплётах и косяках, спинок кровати и стола, в диагоналях холмов – во всём опыты ощущений планетарного движения, гипнотизирующие своей органикой. Иллюстрации к «Присказкам» цветные, в них преобладают основные цвета, «разбавленные» дополнительным зелёным. К этому времени художником была сформулирована его известная «трёхцветная» теория. К.С. Петрову-Водкину было важно с самого детства «ставить» глаз ребёнка на чистые и звонкие локальные цвета. Известно, что Петров-

Водкин обращал внимание на психологическое и психофизическое воздействие цвета.

Старость и детство... И художником и писателем они осмыслились как два устремленные друг к другу начала замыкающегося родительского круга. В 1924 году, когда Петров-Водкин проиллюстрировал детскую книжку «Присказки», он, наконец, нашел здесь счастливый эквивалент своим «взрослым» открытиям. Тепловой квант общей творческой идеи коснулся и графических листов — они ожили, заговорили...

Полуслепая некрасивая старуха с высохшими руками наклонилась над пухлым малышом. Но она не страшна ему в своем старческом обидном уродстве. И к ней, и ко всему миру он присматривается с любопытством и задором. Так художник открывает доброе в некрасивом, милое в немощем, способное продлиться в умирающем. «Присказки», безусловно, лучшая работа Петрова-Водкина для детей. Со страниц небольшой этой книжки прыгают пушистые звери. Забавными одуванчиками шевелятся там цыплята, а с ними и младенец выходит на первую прогулку по янтарным доскам избяного пола. И по цвету, и по технике рисунка «Присказки» выглядят очень современно, кажется, что книжка только-только пришла из типографии.

Тревога за ребенка, социальное беспокойство художника, его высокоразвитый (как и у Платонова) отцовский инстинкт находили выход в иных творческих формах. Петров-Водкин не дожил до войны. Но мы можем сказать, что ее обжигающее дыхание, предчувствие потрясений, угрожающих детству и материнству, уже видны в его полотнах — в сейсмических сдвигах перспективы, в спрашивающих, напряженных выражениях лиц. Точно так же, как и в предвоенных рассказах Платонова о детях, есть уже гнетущий отсвет мирового предгрозя. Не случайно затем писатель так много сил и, может быть, самые лучшие свои слова отдает теме: война и дети. Война безжалостна, в ней трагичен любой разрыв семейного звена, но страшнее всего, когда человека оставляют живым, в то же время отнимая у него память о семье, о матери. «Это я ее по темени,— показал себе на голову Ганс,— я ее по материнскому родничку надавлю рукой...» Так в рассказе «Девушка Роза» фашист объясняет следователю, каким именно способом он собрался лишить заключенную памяти, чтобы превратить ее в «полудурку». В русском искусстве, с его напряженным этическим пафосом, бережное, повышенно совестливое отношение к ребенку, может быть, впервые с особой страстностью прозвучало у Достоевского. Но там шел разговор о ребенке, как о некоем отдельном лице. Дети у Платонова и Петрова-Водкина находятся в прочном сцеплении с семьей и образуют вместе особую родительскую планету. Разбирая работы

Петрова-Водкина, специально обращенные к детям, мы стремились здесь показать, что качество, глубина этих работ постоянно находились в прямой зависимости от созревавшей в душе художника мысли о семье. Книжная иллюстрация не была главным его жизненным делом. Но обращаясь к ней, он всегда как бы заново проверял значительность своих живописных образов".

И в этих иллюстрациях цвета «живут ласково один подле другого». Художественная цельность этой книги достигнута единством графической манеры, основанной на крепком, тщательно проработанном и выразительном в фактуре перовом рисунке, вместе с тем обобщенном в силуэте и мягкой локальной раскраске. «Работы К. Петрова-Водкина по рисунку и в особенности по монтажу оставляют очень бледное впечатление и уступают его же иллюстрациям к „Присказкам" С. Федорченко, в которых графические недочеты искупаются мягкой красочной гаммой».

Оформительское решение «Присказок» отличается изысканной декоративностью, художник обращается здесь к близкому и понятному ему миру деревенской жизни, бережно интерпретирует фольклорные мотивы. На правой стороне каждого разворота повторяется одна и та же красная орнаментальная рамка, заключающая в себе поэтический текст; на левой стороне дается цветная страничная иллюстрация. Сборник открывается изображением старухи и младенца—рассказчицы и слушателя; бытовая конкретика несколько не отвлекает зрителя от символического значения этих фигур, олицетворяющих начало и конец человеческой жизни. Предельно выразительны узкие щелочки глаз старухи, придавленные тяжелыми веками, и широко открытые, доверчивые глаза младенца.

Трогательные изображения детей появляются и еще на нескольких страницах. Но особенно удались в этой книге образы животных: лисы и ежа, ведущих напряженный диалог, мчащегося со всех ног зайца, одинокого волка. Реалистическая трактовка этих образов не исключает их сказочного происхождения.

В 1936 году в интервью К.С. Петрова-Водкина Г. Ромму для газеты «Литературный Ленинград» в связи с открытием персональной выставки в начале октября в ГРМ Кузьма Сергеевич высказался о своей работе над книжной иллюстрацией так: «Особого пристрастия к книжной работе у меня никогда не было, хоть я и погрешил на этом поприще немало. Выпускал свои детские книжки, сделал книжку о Самарканде, иллюстрировал «Снегурочку», с Маршаком делал «Загадки». У меня нет, да и не хочу я иметь профессиональных навыков книжных иллюстраторов... Я всегда этого дела боялся и неохотно брался за него; но не потому, что я не сумел бы сделать интересные вещи в этой области, а потому, что меня

запугали «книжники» и графики из журнала «Мир искусства». Да, это действительно страшная история в смысле печати и оформления, и всегдашние разговоры, как нарисовать, чтобы удобнее печатать. У меня это как-то не выходит». Так самокритично оценил свои книжные работы мастер.

В Париже в 1924-1925 годы Кузьма Сергеевич наряду с изучением академического художественного образования, знакомился и с художественной подготовкой детей школьного возраста. Он работал в атмосфере уважения к творческим способностям ребёнка, считал важнейшей целью иллюстрации развитие и расширение изобразительных и выразительных возможностей детей: «не подсказывать видимость, а научить видеть собственными глазами». Речь шла о приобщении ребёнка к процессу художественного творчества, о воспитании его эстетического восприятия, открытии им нового ощущения мира.

Поиск нового художественного языка был для Кузьмы Петрова-Водкина совершенно органичной потребностью, поскольку он чувствовал себя творцом не отдельных произведений, а целого мира, не копиистом действительности, а изобретателем нового, более совершенного и гармоничного порядка вещей. Как писал Е. Шварц, художник такого склада «кажется непонятым потому только, что законы общепринятые для того, что он хочет сказать, непригодны. Пользуясь ими, он лгал бы. Он правдив прежде всего, сами того не сознавая...». Работа в детской книге не была для таких мастеров, как он, главным делом жизни; обращаясь к юной аудитории, они невольно использовали язык «взрослого», серьёзного, экспериментального искусства, хотя и адаптировали его, учитывая реальные интеллектуальные возможности начинающего читателя. Их работы для детей объединяет и своеобразный энциклопедический подход: как правило, они не просто рассказывали забавные и поучительные истории, но стремились обобщить, каталогизировать, собрать воедино ряд сходных явлений, познакомить ребёнка с целой категорией предметов или понятий. Книжная графика К. Петрова-Водкина известна в гораздо меньшей степени, чем его живописные произведения. Создатель «Петроградской Мадонны» и «Купания красного коня» обращался к иллюстрированию детской литературы нечасто. Его дебют в этой области состоялся в 1914 г. — он оформил повесть собственного сочинения «Аойя: Приключения Андрюши и Кати в воздухе, на земле и под землей». В молодости художник постоянно пробовал свои силы в литературе: в его архиве хранится целый ряд неопубликованных стихов, рассказов, повестей, пьес. Наибольшую известность получила изданная уже в начале 1930-х автобиографическая диалогия «Хлыновск» и «Пространство Эвклида» (третью часть своих воспоминаний мастер написать не успел). Выступления Петрова-Водкина на

литературном поприще вызвали очень противоречивые оценки современников. Например, М. Горький назвал «Пространство Эвклида» «вместилищем словесного хлама», а автора повести — «человеком всесторонне малограмотным», который «выдумывает так плохо, что верить ему невозможно». Противоположного мнения придерживался М. Нестеров: «Писания его пером куда выше писания его кистью». Наверное, ближе к истине был Э. Голлербах, видевший в прозе художника немало стилистических погрешностей, но в то же время отмечавший ее удивительную самобытность и органику: «В то время, как печатаются сотни книг, у авторов которых вовсе нет лица, а есть только усидчивая ж..., у Петрова-Водкина было свое лицо. Он любил вещать и поучать, очень любил философствовать и делал это „по-расейски“, то есть неумело и бестолково, открывая „Америки“ и сражаясь с ветряными мельницами. Но в торопливом и бессвязном многословии художника всегда нет-нет, да и мелькали драгоценные крупинки мудрости, притом — мудрости доморощенной, а не взятой напрокат. Священное „не могу молчать“, яростное отвращение к банальности и пошлости, праведная злоба, неугасимая ненависть к мещанству, очевидная органическая талантливость—все это примиряло с косноязычием и невнятицей водкинских тирад». В какой-то мере эту характеристику можно отнести и к повести «Аойя». Вероятно, художник начал сочинять ее в 1911 г. в своем родном Хвалынске, а первыми слушателями, а возможно, и прототипами главных героев были его младшие двоюродные брат и сестра. В основу книги легли импровизированные устные рассказы, которыми Петров-Водкин любил развлекать знакомых детей. «И чего он только не рассказывал!—свидетельствует современница. —Не сказки, нет, он сам придумывал и рассказывал невероятные приключенческие повести. Это были рассказы о путешествиях по морям, о необитаемых островах, о таинственных явлениях в природе. Герои его повестей попадали в какие-то загадочные подземелья, встречались с фантастическими чудовищами, или их брали в плен дикари...». Почти все перечисленные мотивы присутствуют в истории о приключениях Андрюши и Кати. Упоминания об увлеченной работе над книгой постоянно встречаются в письмах к родным 1911—1913 гг. Повесть написана под явным влиянием Жюль Верна; увлекательная внешняя интрига позволяет автору в доступной для детского восприятия форме высказать свои оригинальные натурфилософские и естественнонаучные суждения. Безусловно, целый ряд эпизодов навеян впечатлениями от поездки Петрова-Водкина в Северную Африку, от путешествия по Италии и восхождения на Везувий. Помимо традиционных в литературе такого рода персонажей—любознательных детей, чудаковатого ученого, наивных и благородных

туземцев—в книге выведены и чисто аллегорические образы Вулкана и его дочери Лавы, Подземного царя. Сопровождая Андрюшу и Катю в их фантастическом путешествии, художник излагает юному читателю свою достаточно спорную концепцию «чудесной жизни Земли», изобретает собственную мифологию, весьма вольно переосмысливает устоявшиеся научные представления и хрестоматийные сюжеты (например, историю Прометея). Графические комментарии к повести неравноценны. Не слишком удачен, например, рисунок обложки, выполненный грубыми жирными штрихами и к тому же тонированный ядовитым желтым цветом. На титульном листе художник помещает план острова Аойя, которому в конце книги суждено погибнуть в результате извержения вулкана. Фронтисписный портрет главных героев весьма выразителен и, главное, начисто лишен той слащавой сентиментальности, которой так часто грешили в те годы изображения детей. Помещенные в издании миниатюрные рисунки (иногда они играют роль заставок и концовок, иногда вклиниваются в текст посреди главы), как правило, изображают упомянутые автором предметы: чернильницу, чайник, перекидной календарь, детали снаряжения путешественников. В этих маленьких натюрмортах самобытный почерк мастера узнается с большим трудом, им явно не хватает четкости, а главное — символического звучания. Гораздо более удачны страничные иллюстрации. В них графическая стилистика Петрова-Водкина проявляется во всей своей оригинальности. Правда, в начале повести и тексту, и зрительному ряду, пожалуй, не хватает динамики. Воздушный шар, на который по недосмотру взрослых попадают Андрюша и Катя, оказывается настолько хорошо оснащенный, что позволяет героям вести уютное и беззаботное существование: они постоянно пьют чай, ведут философские беседы и наслаждаются красотой проплывающих мимо пейзажей. Но по мере того как персонажей захватывает водоворот опасных приключений, интонация автора и иллюстратора меняется, наполняется сопереживанием, тревогой, патетикой. Особенно удачна композиция, запечатлевшая момент крушения воздушного шара. Взвихренные штормом волны, зловеще дымящийся вулкан, мечущиеся стаи птиц — такое нагнетание драматических образов не кажется в данном случае чрезмерным. Этот лист заставляет вспомнить о морских фантазиях М. Чюрлениса. С явной симпатией показаны не только юные путешественники, но и жители острова Аойя, не подозревающие о существовании остального мира. По-видимому, сам Петров-Водкин не был удовлетворен своей работой. Планируя ее новую публикацию спустя почти десять лет, он переделывает иллюстрации. 19 сентября 1922 г. художник пишет матери: «Занят тем, что возобновляю издание моей детской книги „Андрюша и Катя“. Сделал новые рисунки. И

вот завтра решается ее судьба — договоримся либо нет». По-видимому, договориться не удалось. Можно предположить, что редакцию насторожило не столько качество рисунков, сколько «идеологическая ориентация» текста, весьма далекая от марксизма. Вряд ли советских цензоров обрадовал бы, например, такой пассаж из седьмой главы повести: «Андрюша и Катя мысленно молились. И в молчании среди ужаса тьмы и бури они почувствовали прилив бодрости, почувствовали, что среди этой бури, в реве волн, они также участвуют в жизни, и Кто-то, давший бурю, знает также и о них. Везде, как и дома, та же жизнь, то же творение Бога.

—Андрюша, мы у Бога в гостях, Он любит нас — прошептала Катя.

Мальчик утвердительно пожал ее руку, он тоже понял это — и страха у них больше не было». После выхода в свет «Аойя» последовал большой перерыв и в литературной, и в книжно-оформительской деятельности Петрова-Водкина. В 1921 г. художник принимал участие в работе экспедиции, организованной Академией наук с целью обследования состояния архитектурных и исторических памятников Средней Азии. Мастер возлагал на эту поездку большие надежды, и они полностью оправдались. Природа, архитектура, люди Востока произвели на него огромное впечатление. Несмотря на пятидесятиградусную жару, живописец работал по 10 часов в день. Свои наблюдения он изложил в очерке, который снабдил серией рисунков. Изящное издание «Самаркандии», выпущенное в 1923 г. «Аквилоном», адресовано, конечно, не детской аудитории; едва ли ребенку будут понятны и интересны размышления об этнографии, истории архитектуры, специфическом укладе азиатской жизни. Но обложка книги способна дезориентировать читателя: она интригует своей экзотикой, настраивает на встречу с персонажами восточной сказки. Основная часть иллюстраций выдержана в совсем иной стилистике. «Петров-Водкин сопроводил текст очерка рисунками, в которых суммировал отстоявшиеся в его сознании четкие образные воспоминания о Самарканде и самаркандцах. Исполнены они тушью, пером и кистью и опираются на натурные зарисовки, а в ряде случаев почти повторяют или варьируют их. Представляется, что рисунки возникли одновременно с текстом и, так сказать, параллельно ему. Лишь некоторые из них иллюстрируют конкретные страницы очерка. Чаще же они не просто дополняют рассказ, но и заменяют собой не написанные художником абзацы и целые главки. Емкая образность этих рисунков позволяет ему сказать в них порой больше и точнее, чем он мог бы выразить в словах»⁹. Плотная, прерывистая манера штриховки прекрасно передает ощущение раскаленного воздуха; строения, люди, животные материализуются из этого марева, как миражи, и могут в любой момент вновь раствориться в нем. В некоторых композициях серии

сказывается увлечение художника концепцией «сферического пространства»: деформируется линия горизонта, фигуры на заднем плане словно пригибаются к земле, выбираются неожиданные наклонные ракурсы. В более смягченном, декоративном варианте эти приемы используются и в рисунках к автобиографической прозе, созданных в начале 1930-х гг.

<http://www.raruss.ru/childrens-books/page-child2/2878-petrov-vodkin-fedorchenko-priskazky.html>

О авторе текста.

Софья Захаровна ФЕДОРЧЕНКО
(1880-1959)

Из автобиографии

Я родилась в Петербурге в 1888 г., в семье инженера-технолога. Первые годы жизни провела в глухой Владимирской деревне, в бедной крестьянской семье. Семи лет была взята отцом и начала учиться. С отцом я много путешествовала по России. Окончив гимназию и университет (не полностью), серьезно работала по фольклору. В 1914 г. ушла на фронт сестрой милосердия и пробыла там почти до Февральской революции. Написала свою первую книгу «Народ на войне». После Февральской революции сдала книгу и вернулась на фронт работать по помощи населению, пострадавшему от войны. Книга моя была хорошо принята, и с тех пор я стала профессиональным писателем. Я много печаталась, особенно после Октябрьской революции. С увлечением также я занималась и общественной работой; между прочим, была организатором и первым председателем Сектора детской литературы Союза писателей. В 1928 г., после тяжелого переживания, я серьезно заболела и, даже вернувшись к работе, «на людях» почти не показывалась. Сперва, по инерции, меня печатали, потом перестали и вспоминать. А некоторые товарищи по профессии, прежде незаслуженно называвшие меня «классиком», так же

незаслуженно стали называть «бракоделом», ссылаясь на те же «классические» работы. Тогда я усердно писала 3-й том «Народа на войне» — «Гражданскую войну». В начале 30-х годов, по настоянию А. М. Горького, я стала вплотную работать над этим трудом моей литературной жизни. Тов. Горький высоко ценил эту книгу, называл ее «эпохальной» и предполагал выпустить ее полностью к 20-летию империалистической войны. Это не удалось, но работу я продолжала. Кроме того, после неудачи с этой книгой я начала работать над материалами для давно задуманного мной романа «Конец столетия», что делала с 34 г. до 40 г., когда я написала 1-й том. Его в 42 г. напечатала «Красная новь». Как и все мы в те годы, я чувствовала большой душевный подъем и тягу к работе <...>. Во время войны я из Москвы не уезжала, ССП мне эвакуироваться не предложил. Да бы все равно никуда не уехала, так как ни на секунду не верила в сдачу Москвы. Очень скоро нашу квартиру разбило, и мы 3 месяца жили в бомбоубежище. Там я писала поэму «Илья Муромец и миллион богатырей». Я писала ее на великом увлечении, и это совершенно перестраивало мою душевную жизнь, ничто не казалось трудным. Вернувшись в квартиру, я стала работать для ПУРа, где меня охотно печатали, частями напечатали в «Спутнике агитатора Красной Армии» моего «Илью Муромца», я написала тогда же сценарий, 2 пьесы, много солдатских сказок, продолжала поэму <...>. Написала в 1950 году 2 рассказа, сказки для детей, работала над «Гражданской войной», над 2-м томом романа <...>.

С. Федорченко

20 мая 1952 г.

(Из книги "Народ на войне")

В 1917 году в Киеве была издана книга Федорченко «Народ на войне» (с подзаголовком «Фронтовые записи») в форме коротких рассказов и размышлений русских солдат о войне и мире, которая привлекала внимание богатством и яркостью собранного в ней своеобразного солдатского фольклора, сочным бытовым колоритом.

В 1925 году появилась вторая часть книги, отражавшая период «керенщины».

Третья часть книги — «Гражданская война» — была известна только в отрывках по журнальным публикациям 1927 года и лишь в 1983 году была напечатана в полном виде в томе «Литературного наследия».

В 1927 году Федорченко призналась: «Я записей не делала <...>. Писать тут же на войне мне и в голову не приходило. Я не была ни этнографом, ни стенографисткой <...>. Но я твердо решила сказать, что это почти стенографические записи, и отдать книгу эту как не свою», после чего

её обвинили в мистификаторстве, в подделке народных высказываний. Однако она писала «Записывала я какие-то — часто отрывочные слова, скорее напоминая себе свои впечатления от виденного и слышанного, чем подлинные слова, но смысл, правду того, что слышала, я хранила строго».

«Фронтные записи» высоко оценил М. Волошин, к которому в Коктебель Федорченко приезжала в 1920-е годы. Как врач её, страдающую от неврастения, консультировал М. А. Булгаков, также гостивший у Волошина в это время.

С 1924 года работала в области детской литературы, главным образом дошкольной. Ею написано несколько десятков детских книг по преимуществу из мира животных. Создала много прибауток, загадок, «потешек». Ей принадлежит несколько сценариев кукольных спектаклей.

Федорченко занималась общественной работой; была организатором и первым председателем Сектора детской литературы Союза писателей СССР.

Писательница тяжело пережила обрушившиеся на неё нападки в печати, она заболела. Но несмотря на длительную тяжелую болезнь, часто приковывавшую её к постели, она продолжала писать до конца своей жизни, написала исторический роман-трилогию из времен пугачевщины «Павел Семигоров» (первоначальное заглавие — «Конец столетия»), ряд сказок, пьес, стихов для детей.

Похоронена в колумбарии Новодевичьего кладбища в Москве.